

назвал культурно-историческим типом, внутри которого осуществляется общее историческое движение. Культурно-исторический тип, по Данилевскому, эволюционирует от этнографического состояния к государственному и от него к цивилизации. Ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга культурно-исторических типов. Данилевский выделяет 10 основных типов (египетский, иранский, древнесемитский, китайский, индийский, еврейский, греческий, римский, новосемитский, или арабийский, романо-германский, или европейский), два – перуанский и мексиканский – канули в Лету. Качественно новым, перспективным с точки зрения истории Данилевский считает «славянский тип». Цикл развития каждого типа составляет около 1500 лет. 1000 лет приходится на этнографический период, около 400 – на государственный, 50–100 лет – на цивилизационный. Ход развития культурно-исторических типов, по его мнению, всего ближе уподобляются тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и исощает раз и навсегда их жизненную силу⁵.

Ученый постулировал отличие «самостоятельных, своеобразных планов» религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития. Культурно-исторический тип выступает у Данилевского как интеграция существенных признаков определенного социального организма. Соответственно, культура выступает как объективация национального характера, то есть психических особенностей этноса, задающих

видение мира. Это видение и понимание социокультурной динамики было принципиально отличным от взглядов, сформировавшихся в то время в социологическом сообществе.

По мнению Н. Я. Данилевского, прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее приращение исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях⁶. Следовательно, каждый культурно-исторический тип вносит свою лепту в общий прогресс человечества.

Концепция Данилевского представляют собой одну из первых и оригинальных попыток предложить новый подход к пониманию истории как нелинейного многовариантного процесса и дать социологическую трактовку некоторым его аспектам. Нельзя не заметить, что значимость этой трактовки в современной ситуации, когда разворачиваются процессы глобализации, приобретает особое звучание.

Примечания

- 1 См.: Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм. URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/Sorokin/dynamics/> (дата обращения: 10.09.2012).
- 2 Там же.
- 3 См.: Голосенко И. А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной мысли в дореволюционной России. М., 1986. С. 3–24.
- 4 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- 5 Там же.
- 6 Там же.

УДК 316.342.6

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ СЕЛО: ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТНОСТИ

Е. В. Афанасьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Afanasevevgeniy@bk.ru

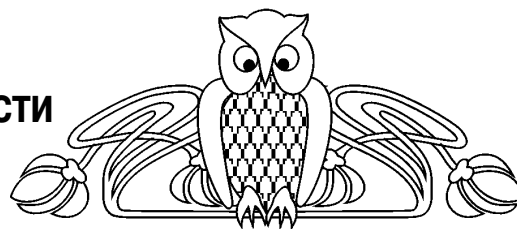
В статье раскрывается процесс изменения характеристик субъектности села, идущий на фоне социоструктурных изменений постсоветского периода.

Ключевые слова: село как общность, механизм формирования субъектности, социоструктурные изменения, пространственность села.

Modern Russian Village: Changes in Subjectivity's Characteristics

E. V. Afanasiev

In article the process of changes in subjectivity's characteristics is considered. Also, the author regards the influence of socio-structural changes of post soviet period on this process.

Key words: village as a community, mechanism of subjectivity's forming, socio-structural changes, spatiality of the village.

Реформационная трансформация социально-экономических отношений в России последних десятилетий привела к значительным и вместе с тем противоречивым изменениям. Сложность и неоднозначность процессов реализации реформ на местах и нарушение пространственных связей обусловили усиление различий как в характере протекания самих преобразований, так и в их результатах для конкретных социальных образований. Можно отметить, что особенности состояния социопропространственной среды могут

как обеспечивать благоприятные условия для осуществления процессов реформирования, так и продублировать ограничения для них.

Различные поселенческие общности в ходе радикальных перемен сталкиваются с определенными проблемами, имеют неодинаковые возможности их решения и получают разные результаты. В то же время общий успех или неуспех преобразований в стране в значительной мере предопределяется их ходом на местах. Вместе с тем сегодня почти неизвестно, что происходит, прежде всего, в низовых поселенческих структурах: какие основные субъекты действуют и определяют динамику трансформаций на этом уровне в новых условиях, каковы особенности их интересов и поведенческих стратегий в изменяющейся ситуации, какие процессы возникают при их взаимодействии, какие социальные регуляторы начинают работать в условиях реформ, какова их эффективность и каких социальных последствий следует ожидать. Проблема усугубляется тем, что в отечественной социологической науке практически не разрабатывались подходы к исследованию функционирования территориально-поселенческих общностей в ситуации быстро и радикально меняющихся условий. Это обстоятельство ставит вопрос концептуализации этой проблематики особенно остро.

Учитывая, что современная Россия характеризуется следующей моделью расселения по социально-территориальному принципу: 1) мегаполис – крупный город (как правило, совмещающий административные и промышленные функции); 2) малый город промышленного типа; 3) малый город административного типа с преобладанием промышленного производства; 4) малый город административного типа со смешанным типом производства; 5) крупное село административного типа с небольшим преобладанием аграрного производства над промышленным (преимущественно представляющего перерабатывающей промышленностью); 6) крупное село административно-аграрного типа; 7) крупное село аграрного типа; 8) среднее село; 9) малое село (в т. ч. хутор), сосредоточив внимание на сельской составляющей. Выбор определяется тем, что село как поселенческая общность по своим социально-пространственным и социально-временным характеристикам, тяготеющим к традиционализму, в качестве объекта исследования процессов радикальных изменений рыночного типа оказывается предпочтительней.

Тем более что село как часть системы расселения в начале третьего тысячелетия испытывает действие двух процессов. С одной стороны, процесс урбанизации на мировом уровне снизил долю сельского населения до 5–6%. В России эта динамика несколько иная не только в количественном, но и в качественном отношении¹. Общеизвестно, что максимальная численность сельского населения в России отмечена в 1926 г. Многие регионы

при положительном естественном приросте потеряли с тех пор 2/3 сельского населения в основном за счет миграций (если не считать военных и сталинских потерь). И максимум потерь наблюдался именно в полосе староосвоенных районов вокруг Московской области². Если посчитать изменение площадей разной степени заселенности за XX век, то окажется, что слабозаселенных территорий с плотностью населения менее 10 человек на кв. км стало на 1 млн кв. км больше, причем именно за счет сокращения средне- и плотнозаселенных территорий. Если прежде слабозаселенные территории составляли около половины, то теперь почти 3/4 Европейской России³. Запущенная сельская местность, заброшенные дома и целые деревни наиболее характерны для Нечерноземья. Здесь ареалы с плотностью населения более 10 человек на кв. км сохранились лишь на 20% территории в пригородах крупных центров. А плотность населения менее 5 человек на кв. км отмечается на 41% территории (без Крайнего Севера). В 1959 г. таких территорий было 17%⁴.

Конечно, реформы, осуществляемые с 1992 г. методом шоковой терапии, сопровождались возрастанием количества мигрантов из городов в сельскую местность, но со значительным превышением встречного потока из сел в города. Основную массу городских мигрантов составляли бывшие селяне. Этот поток только усилил не прекращавшуюся миграцию сельского населения в города, которая оживилась в 1970–1980 гг. в связи с переселением так называемых «неперспективных» поселений в «перспективные». Разумеется, этот процесс сопровождался закрытием малокомплектных школ, медицинских учреждений, торговых точек. Отсутствие важнейших для нормального быта элементов социальной инфраструктуры привел к массовому исчезновению сельских поселений. Основная часть мигрантов – наиболее трудоспособная часть населения, из них около половины – молодежь до 30 лет, растет количество 15–18-летних мигрантов, выезжающих из села с целью получения образования.

С другой стороны, налицо набирающий силу процесс рассредоточения населения крупных городов, то есть снижение средней этажности городских жилых зданий, стремление горожан в развитых странах жить в пригороде и работать в мегаполисе. Этот процесс в российском варианте дал иной феномен: в 1991–1999 гг. наблюдался некоторый прирост сельского населения за счет притока беженцев и переселенцев из ближнего зарубежья и из городов, который хоть и ненамного, но превышал естественную убыль населения. Правда, уже с 1995 г. приток мигрантов в сельскую местность уменьшился, и в результате начиная с 2000 г. численность сельского населения в условиях неблагоприятного естественного движения стала сокращаться.

Если брать за основу классификацию Б. С. Хорева⁵, по которой социологический аспект рассе-

ления заключается в пространственной форме организации общества, то все те, кто живут за чертой города, пусть и работают в городских организациях, являются сельскими жителями. Хотя этот тип сельского жителя никак нельзя назвать классическим, все же думается, что это и не горожанин в традиционном понимании этого термина. Население, проживающее за пределами городской среды обитания, предполагающей высокую концентрацию населения и инфраструктурных элементов различного назначения, только условно можно считать сельским. Появление социальных субъектов нового типа способствует возникновению социальных взаимодействий, отличных от прежних, что означает начало процесса модификации социопропространственных и социовременных параметров сельской территории. Кроме того, различия между городским и сельским населением, обусловленные укладом жизни, сложившимися традициями, наиболее рельефно прослеживаются при анализе процессов естественного движения населения: показателей рождаемости, смертности, которые в основном определяют естественный прирост населения, стабильную половозрастную структуру.

Если говорить о Саратовском регионе, то на территории области проживают 2564,8 тыс. человек, из них 660,8 тыс. – сельское население (26%)⁶.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Саратовской области наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности сельского населения, а также снижения основных демографических показателей.

Низкий уровень рождаемости привел к резкому сокращению численности населения в возрасте моложе трудоспособного (0–15 лет) – с 2000 г. более чем на четверть (28,1%). В то же время за счет вступления в трудоспособный возраст лиц, родившихся в середине 1980-х гг., численность трудоспособного населения росла до 2006 г. (на 35,7 тыс. человек, или 2,2%). К началу же 2009 г. она уменьшилась на 26 тыс. человек (на 1,6%). По прогнозным оценкам Росстата, снижение численности населения данной категории продолжится и в дальнейшем, что связано с вхождением в трудоспособный возраст малочисленных поколений, родившихся в конце прошлого – начале XXI в.

Одновременно наблюдается рост показателя смертности сельского населения, который за 2006–2009 гг. вырос на 10,3% и превышает показатель смертности городских жителей на 9%. Основными причинами смертности являются болезни системы кровообращения и новообразования, несчастные случаи, отравления, травмы⁷. Это важнейший индикатор социально-экономического развития сельского населения и одновременно относительно низкого уровня качества жизни. Именно поэтому демографы рассматривают высокую смертность населения как типичное явление для земледельческих и отсталых в экономическом развитии, слаборазвитых стран.

Это приводит к тому, что численность трудоспособного сельского населения неуклонно сокращается. Наблюдается уменьшение численности молодежи на селе и общее увеличение возраста сельского населения. Село не только обезлюдевает, но и стремительно стареет. В то же время сохранение и развитие сформировавшихся как производственные структуры сельских поселений приобретает сегодня народнохозяйственную значимость еще и в связи с разрушительными проявлениями реализуемых административных реформ, сопровождающихся беспрецедентным спадом производства, резким ухудшением материального положения граждан. Эти процессы обусловили значительные изменения в демографических показателях, в соотношениях возрастной структуры населения. В сложившейся международной практике население считается старым, если возрастная группа старше 65 лет составляет около 7%. Сокращение в структуре населения удельного веса подрастающего поколения в сочетании с опережающим ростом доли населения 60 лет и старше при одновременно резком сокращении поколения 50–59-летних означают: осязаемое ухудшение условий труда и быта сельского населения; резкое снижение удельного веса сельского населения в перспективе; рост смертности, сокращение рождаемости, ускорение старения населения.

Важной социальной проблемой села является низкая занятость населения, которая наиболее осязаема в сельскохозяйственных организациях. При высоком уровне сельской безработицы отмечается дефицит квалифицированных кадров массовых профессий, который в обеспеченности механизаторскими кадрами составляет более 2 тыс. человек. Низким остается уровень профессионализации сельской молодежи – 67%, каждый третий молодой житель села не имеет специальности⁸.

Безусловно, часть проблем села и города общи. Но проведенные за последние годы исследования показывают, что наиболее злободневные проблемы села: нищета, удручающее состояние сельского здравоохранения, прогрессирующая депопуляция (в первую очередь, за счет безвозвратной миграции трудоспособной части селян в города), все же являются более острыми.

Таким образом, налицо суженный характер воспроизводства сельской социально-территориальной общности, хотя в количественном выражении этот процесс не столь очевиден, а по группе сельских поселений с населением свыше 5 000 человек даже носит положительный характер, но качественные долговременные тенденции все же говорят о его деградации. Люди, проживающие в сельских поселениях, лишены многого именно по причине специфики расселения (большой распродоточенности и т. п.).

Сторонники либеральных рыночных преобразований могут привести довольно веский довод о нецелесообразности распыления государственных

средств на социальное обустройство малых деревень, поскольку их экономическая эффективность в рамках существующих организационно-правовых форм весьма низка. Можно в этом с ними согласиться, но малые деревни на сегодняшний день пока еще обеспечивают другую свою задачу: распределение сельского населения по пригодным к эксплуатации земельным и иным угодьям. При прекращении существования этих населенных пунктов большая часть и без того проблемных сельхозугодий окажется незаселенной, что напрямую затрагивает проблему продовольственной безопасности страны. Кроме того, поскольку часть населенных пунктов находится в непосредственной близости от железных, автомобильных дорог федерального, областного и районного значения, продуктопроводов, и на этих территориях базируются многие эксплуатационные структуры, то их ликвидация становится еще более убыточной, нежели это могло показаться ранее. Таким образом, изменение функционального профиля сельского поселения отягощается не только отмеченными моментами деградации: депопуляцией, старением, депрофессионализацией, люмпенизацией традиционного сельского социального субъекта, но и его «разжижением» «дачником»⁹, что, в целом, трансформирует его характеристики как субъекта традиционного сельскохозяйственного производителя.

УДК [004.056:338.242] (470)

БЕЗОПАСНОСТЬ КОРПОРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЫНКА: СИСТЕМНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

С. А. Чувиллин

Саратовский государственный университет
E-mail: mtghunt@yandex.ru

В статье приведена системная интерпретация корпоративной безопасности. Проанализированы разные определения данного понятия. Выведено шесть уровней безопасности, основанных на порядке создания и функционирования системы корпорации. Представлены цели воздействия уровней, их прямая и обратная зависимость.

Ключевые слова: безопасность, корпорация, интерпретация.

Safety of Corporation in the Conditions of the Modern Russian Market: System Interpretation

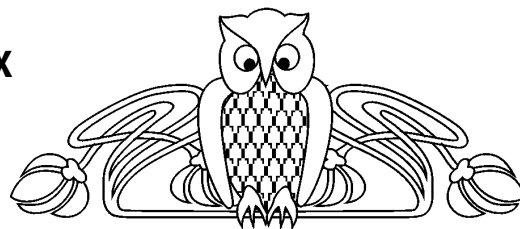
S. A. Chuvilin

Interpretation of corporate safety is introduced in this article system. Various definitions of this concept were analysed. Six levels of safety based on an order of creation and functioning of system of corporation were deduced. The purposes of influence of levels, their straight line and inverse relationship were presented.

Key words: safety, corporation, interpretation.

Примечания

- 1 См.: Государственный комитет статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/PEREPIS/t1.htm> (дата обращения: 01.11.2011).
- 2 См.: *Нефедова Т. Г.* Миграции в сельской местности и агропроизводство в староосвоенной части России. URL: http://migrocenter.ru/science/science019_3.php (дата обращения: 01.11.2011).
- 3 См.: *Город и деревня Европейской России : сто лет перемен.* М., 2001. С. 299–301.
- 4 Там же.
- 5 См.: *Хорев Б. С.* Население страны : географический и демографический аспекты. М., 1986.
- 6 Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/minagro/prpa/detail.php?ID=50783> (дата обращения: 01.11.2011).
- 7 См.: Анализ демографической ситуации и кадрового обеспечения АПК. URL: <http://sferi.ru/saratov-news/agr-saratov/2062-2011-06-06-07-21-06.html> (дата обращения: 01.11.2011).
- 8 Там же.
- 9 См.: *Покровский Н. Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России : теоретические и прикладные аспекты // *Современный российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре.* М., 2005.

В условиях современного российского рынка надежная система безопасности – один из основных факторов успешности корпорации. Стабильность последней в данных нелегких условиях зависит от надлежащей работы системы безопасности и ее эффективности. Но одним из значащих факторов в этом процессе является направленность. Поэтому изучение направленности работы системы безопасности в корпорациях является актуальной проблемой.

Данная проблема была поднята и частично изложена в работах И. А. Бородина¹, В. Ф. Гапоненко, А. Л. Беспалько и А. С. Власкова². Основная цель статьи – продемонстрировать, что направленность работы системы безопасности представляет собой один из ключевых элементов корпоративной безопасности, что влечет и всеобщую безопасность предприятия.

Как известно, главная задача системы безопасности в целом – обеспечение максимальной стабильности функционирования компании и до-